

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'28(03)

DOI: 10.17223/22274200/15/1

С.М. Белякова

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ВИД СВЕРХТЕКСТА

Выдвигается гипотеза, в соответствии с которой диалектный словарь, совмещающий в себе признаки толкового и энциклопедического, квалифицируется как сверхтекст особого вида. Он состоит из однотипных текстов (словарных статей), обладает когерентностью, имеющей пространственное и временное измерения. Характеризуясь кросс-персональностью, словарь в то же время отражает обобщенную личность диалектоносителя с ее нравственными установками и жизненными ценностями. Имеет особенности в коммуникативной рамке, является условно закрытым типом сверхтекста.

Ключевые слова: диалектный словарь, сверхтекст, когерентность, кросс-персональность, коммуникативная рамка.

Любой диалектный словарь, вышедший из печати, является результатом огромного труда не только его составителей, но и собирателей языкового материала – студентов, аспирантов, сотрудников факультета. Однако публикация такого словаря, завершая один этап работы, тем самым начинает новый. Этот следующий этап связан с необходимостью оценки и интерпретации лексикографического издания. И если оценка – это прерогатива коллег и других пользователей словаря, то его рассмотрение в качестве источника дальнейших научных изысканий становится очередной задачей для самих авторов.

Мы полагаем, что одним из возможных путей интерпретации материалов словаря является рассмотрение его в качестве своеобразного сверхтекста. Понятие сверхтекста активно используется не только в литературоведении, где оно возникло, но и в лингвистике и культурологии. Литературоведческое изучение и интерпретация данного явления, по свидетельству исследователей, начались с работ В.Н. Топорова, посвященных «петербургскому тексту» русской литературы [1]. Далее это направление развивалось в трудах Л.А. Борботько [2], А.Г. Лошакова [3], О.И. Лыткиной [4] и др. В рамках литературоведческой традиции феномен сверхтекста понимается как «ряд отмечен-

ных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования» [3]. Основными качествами этого феномена В.Н. Топоров считал кросс-жанровость (сочетание разных жанров), кросс-темпоральность (использование различных временных характеристик), кросс-персональность (принадлежность разным авторам) [1].

Однако следует подчеркнуть первостепенную важность тех признаков, которые позволяют рассматривать совокупность текстов как некую общность (презумпция целостности). Среди них литературоведы называют принципы нелинейности, контекстуальности, центрации актуализируемых смыслов [1]. Целостность (когерентность) в лингвистике обычно рассматривается в пределах одного текста, тем не менее вполне возможно говорить о ней и на уровне свертхтекста.

Феномен свертхтекста исследуется в лингвистических работах Н.С. Болотновой [5], Н.А. Купиной и Г.В. Битенской [6], Т.Е. Литвиненко [7] и др.

Н.В. Данилевская с позиций лингвиста определяет свертхтекст как «совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это *целостное* образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов). Свертхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица имеет коммуникативные полюсы – автора и адресата» [8. С. 632]. Далее она указывает, что свертхтекст является единицей культуры.

В работах лингвистов Н.А. Купиной и Г.В. Битенской дается типология свертхтекстов, осуществляемая по трем признакам: 1) закрытость / открытость, 2) вид коммуникативной рамки, т.е. отражение точки зрения адресата / адресанта, 3) степень структурной определенности (однотипно структурированные / неоднотипно структурированные) [6]. Представляется, что среди этих критериев имеются формальные (первый и третий из перечисленных) и содержательные (второй). Данная типология может быть дополнена характеристикой текстов внутри свертхтекста. Они могут представлять собой собственно тексты или текстоиды (в терминологии Н.А. Купиной и Г.В. Битенской). Кроме того, возможно применение признака степени коге-

рентности таких сверхтекстов, что коррелирует со степенью структурной определенности, но все же, на наш взгляд, составляет особый критерий.

По нашему мнению, с опорой на эти теоретические положения можно квалифицировать толковый диалектный словарь как особый тип сверхтекста. Наверное, многим лингвистам или просто пользователям такого рода словарей знакомо смутное ощущение некой внутренней целостности лексикографического труда, образно выраженное словами С.Я. Маршака: «Нет, не словарь лежит передо мной, а древняя рассыпанная повесть». Несколько иначе, но по сути о том же сказал и известный лексикограф В.В. Морковкин, назвавший словарь «целостной информационной системой» [9. С. 36]. Л.Г. Бабенко, анализируя определенный вид словарей – идеографические, считает возможным характеризовать их как текст. При этом она указывает на то, что в таком словаре проявляются определенные текстовые категории: «...целостность, завершенность, информативность, концептуальность (содержательные категории), связность, членимость, структурность (формальные категории), прагматическая направленность, антропоцентричность (функциональные категории)» [10. С. 340]. Безусловно, разделяя эту точку зрения и совпадая с Л.Г. Бабенко в общем направлении размышлений, мы считаем, однако, что речь может идти не только об идеографических словарях, но и о других типах лексикографических трудов, а для такой их трактовки более подходит термин «сверхтекст».

Что же делает диалектный словарь «повестью», т.е. сверхтекстом? И что может дать языковеду такая интерпретация? В данной статье эти вопросы рассматриваются на материале двухтомного «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» [11], вышедшего из печати в 2014 г. Он представляет собой тип традиционного диалектного словаря, охватывающего значительную территорию и совмещающего в себе признаки толкового и энциклопедического. Как большинство лексиконов такого рода, это словарь дифференциального типа. Период фиксации диалектного материала – вторая половина XX в.

Посмотрим, насколько диалектный словарь (при всей своей специфичности) соответствует выработанным в филологической науке критериям выделения сверхтекстов и как он вписывается в их типологию.

Словарь обладает целостностью (когерентностью) не только в силу того, что является совокупностью элементов (словарных статей),

но и потому, что эти элементы соотнесены между собой и в определенной мере взаимозависимы. Их типовые структуры традиционны, так как выработаны поколениями лексикографов, а также продиктованы особенностями материала, например, категориальной принадлежностью лексем, что всегда оговаривается в предисловии словаря. Состав словника неизбежно демонстрирует как определенную тематическую направленность, так и некоторые этические и эстетические оценки окружающей действительности. Если же говорить о степени когерентности, то, пожалуй, она не столь велика (по сравнению с другими типами сверхтекстов, например, поэтического цикла или сборника научных статей, объединенных общей тематикой). Однако это предположение нуждается в более тщательном изучении.

Соотношение адресанта и адресата имеет в нашем случае свою специфику. Применительно к словарю (любому) можно говорить о двух уровнях авторства. В региональном словаре первый из них – это коллективный диалектоносите́ль («народ»), создатель минимальных текстов, используемых в качестве иллюстраций. В конечном счете он определяет и состав словника. В совокупности (целостности) микротекстов и словника, безусловно, отражается мировосприятие сельского жителя, носителя традиционной культуры, особенности его материального существования и нравственные константы. Следует подчеркнуть и особую направленность говорящего на собеседника, включение его в орбиту своей жизни, о чем справедливо пишут такие исследователи, как В.Е. Гольдин [12] и Т.А. Демешкина [13]. См., например: «Диалектная речь как форма устной речи имеет диалогическую природу, поэтому велика ориентация на другого человека. Этот “другой” является не только адресатом речи, но и возникает в речи адресанта как участник ситуации, которую воспроизводит в данный момент говорящий, перенося ее в текущий момент речи» [Там же. С. 273].

Второй уровень авторства формирует автор-составитель, также являющийся коллективным субъектом с общей научно-теоретической позицией, отраженной в концепции словаря. Адресат здесь представляет собой достаточно широкую зону: от лингвиста-диалектолога или этнографа до каждого любителя русской словесности, «вступающего в диалог» с лексикографическим трудом.

То, что диалектный словарь является единицей культуры, представляется очевидным и не нуждается в доказательствах. Любопыт-

ной переключкой с первоначальной литературоведческой трактовкой сверхтекста выступает то обстоятельство, что его системообразующим признаком был локальный фактор («топосные сверхтексты»), этот же фактор – основа любого регионального словаря.

Обратимся к типологии сверхтекстов, предложенной Н.А. Купиной и Г.В. Битенской и, как было сказано выше, несколько уточненной нами. В соответствии с нею, диалектный словарь можно назвать условно закрытым сверхтекстом. В его основе лежит алфавитный порядок размещения словарных статей, следовательно, он имеет маркированный конец, характеризуясь завершенностью. В то же время в словарь может быть введен новый диалектный материал, так как по отношению к живому языку (а тем более диалекту) мы никогда не можем сказать, что взяли «всё». В техническом смысле такое дополнение вполне осуществимо при переиздании словаря, а также в том случае, если лексикографический труд представлен в электронном виде, что в настоящее время не является чем-то исключительным.

Вопрос о коммуникативной рамке такого словаря частично уже освещен нами выше. Добавим здесь, что, с одной стороны, это неавторский сверхтекст, соотносящийся в то же время с «обобщенно-анонимным образом автора» – создателя минимальных текстов, а, с другой стороны, он имеет конкретный авторский коллектив, который «сконструировал» данный словарь. Адресат такого словаря весьма широк, но нельзя сказать, что он является «максимально обобщенным».

С точки зрения «степени структурной определенности» тексты данного сверхтекста, понимаемые как словарные статьи, безусловно, однотипно структурированы. Можно охарактеризовать их как «текстоиды», поскольку они вряд ли могут существовать автономно (разве что использоваться в учебных целях).

В свое время нами была предложена методика тематического объединения контекстов разных словарных статей с целью создания «квазитекстов» [14] и их дальнейшего исследования, в частности, выявления модальной общности.

Приведем пример подобного «квазитекста» с тематикой сбора кедровых шишек.

Он хорошей был шишешник, много сбивал шишок-то, быстро лазил с одной кедров на другую.

Шишкар хорошо место знат, знат жо, на каку лизёт кедров.

А как зацнёт народ шишкарить, шишковать-то, дак толькё лес гудит.

А шишкарили, били шишку-ту в одно как есь времё.

Кедрач-от берегчи надо и раньше время не шишкарничать, не шишкарить, вырашывавать кедру-ту.

Ране шибко запрешишалося не в срок чигать шишки, нехто не покастили.

Не надо покастить шишки раньше время. Бейте шишки в срок, а то раньше время ронжа растаскат.

Да теперь не шибко соблюдают, чечас не шибко ждут шишкособя, до сроку всё росташишат.

Данный «квазитекст» имеет свою тему, разворачивается в определенный сюжет, отражает модальность запрета / разрешения, указывает на регламентацию поведения человека в зависимости от природных условий (*в одно время, раньше время, до сроку*), а также на изменение поведения людей в настоящее время по сравнению с традиционным укладом (оппозиция *ране – теперь, чечас*). Таким образом, можно говорить о реализации «принципа смысловой центрации – выдвижения в качестве приоритетных тех или иных смысловых установок, цельностей, которые определяют специфику “внутренней жизни” свертхтекста» [3].

Тщательное изучение диалектного словаря, в особенности при интерпретации его в качестве свертхтекста, позволяет прийти к выводам о мировоззренческих категориях обобщенного носителя изучаемого диалекта. Среди них пассаизм, неагентивность, особенности отражения личного пространства, коммуникативная «тактика скромности», отражающая, по нашему мнению, стремление не искушать судьбу, не выделяться из своей социальной среды, стереотипность поведения, точность и детализированность описания объекта в ситуации речевого общения.

Так, пассаизм проявляется в наличии значительного числа лексем, репрезентирующих прошедшее время, их частотности в текстах (и микротекстах), многообразии семантических оттенков, о чем нам приходилось писать ранее [15]. Это легко объяснимо, так как значение прошлого особенно велико для традиционного общества по причине повторяемости основных этапов существования личности и коллектива. Представления о прошлом находят отражение в иррациональной модальности высказываний. Такая модальность соотносится

с использованием темпоральных сдвигов и алогизмов (*искать вчерашний день; нужен, как исподки в Петровки*), наименований демонических существ и фольклорных персонажей (*когда черти ещё в кулачки не били; при царе Горохе / Косаре / Копыле*).

Неагентивность может отражаться в диалектном дискурсе посредством использования слов, относящихся к категории состояния (*великотно, ведро, вчисте, гаведно, глухо* «душно», *гнусно* «о большом количестве комаров, оводов», *дивья, морошно* и др.). См., например, следующие контексты: *Ихны дети в школу ходят, так всегда вчисте, воротнички белые, ботиночки начищены. // Как она лежит здесь, шибко глухо у вас, нет ли чё ли форточки-то? // Дивья тебе, дети-то часто приежсают да помогают. // Дивья чичяс жить-то, хорошо. // Второй день морошно, а дожжа нету, така темнота шитса-та.*

Более широкое «личное пространство» диалектоносителя, или «личная сфера говорящего» (Ю.Д. Апресян), находит отражение в такой черте народного речевого этикета, как употребление преимущественно местоимения *ты* и обращение к человеку только по имени (или только по отчеству – к старшим собеседникам). Чрезвычайно интересен пример народной мотивации такого обращения, зафиксированный студенткой Ю. Мусиной в 2007 г. в речи носителя диалекта из с. Маслянское Сладковского района Тюменской области: «*Исус Христос сказал: “Меня не называют на вы, и никого не называют на вы, это неправильно”*».

Коммуникативная «тактика скромности», выражающаяся в частом использовании диминутивов, о которой пишет Р.Н. Порядина [16], может, на наш взгляд, быть интерпретирована как проявление более общей тенденции – стремления диалектоносителя не выделяться из своего окружения, а также интуитивного ощущения опасности, исходящей от непредсказуемой внешней силы – судьбы, которую не следует искушать.

Важное значение имеет и регламентация жизни человека в сельском социуме, в том числе и при помощи понятия «Срок», отражающего природные и социальные условия. В словаре это воплощено в лексических и фразеологических единицах, оценивающих совпадение / несовпадение со сроком, отклонение от него в ту или иную сторону: *впору, раным-рано, ворано, до время, до сроку, раньше время, поздно, вопоздо, после время, к шапошному разбору (прийти), разнопорый, выпореть* и др.

Точность и детализированность описания объекта проявляется в многочисленных лексемах (прилагательных и наречиях) со значением неполноты проявления признака или, напротив, высшей степени его проявления. Первое значение выражается при помощи префикса во-: *вокоротковатой, водлинной, вослабкой, вотугой, вобело, вобусо, вобольшо, вогоряче, вогрубо* и т.п. См., например, следующие контексты: *Юбка-та вокоротковата, куды в ей пойдёшь? // Вослабкой стал ботинок-от, росхлябалса. // Занавески-те на окнах у те вобело, народ-от осудят. // Котят вобусо не люблю. // Чё-ненабудь ответит мне-ка вогрубо, а я упеть ночь не сплю.* Значение высшей степени проявления признака передается при помощи суффиксов -ащ-/-ящ-, -еющ-/-ающ-: *богатыщий, богатеющий, кислящей, кисляющей, крупняющей, страшняющей: Богатеющий человек был Медведев. // До чё кислящей стал квас-от, душу воротит. // Лук-от у те крупняющей нарос.*

Таким образом, представленный анализ диалектного лексикографического труда – «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» – позволяет прийти к следующим выводам. Данный словарь, как и подобные ему, может быть квалифицирован как особый сверхтекст. Он состоит из однотипных текстов (словарных статей), обладает когерентностью (целостностью), имеющей пространственное и временное измерения. Характеризуясь кросс-персональностью, словарь в то же время отражает обобщенную личностность диалектоносителя с ее нравственными установками и жизненными ценностями. В таких текстах проявляется как тематическая, так и модальная общность, позволяющая объединять их в «квазитексты» с целью более точного описания их модальности. При этом степень когерентности представляется не столь высокой, как у других типов сверхтекстов.

Есть и другая специфика такого вида сверхтекста. Это особенности коммуникативной рамки, т.е. отражения позиций коллективных адресанта и адресата, двойственная природа первого из них. При этом и составители словаря, и адресат, безусловно, воспринимают его как нечто целостное. Это условно закрытый сверхтекст со значительной степенью структурной определенности, несмотря на то, что его составляющими выступают не тексты, а текстоиды. Однако их системные качества позволяют видеть в них модель целого – сверхтекста словаря. И формальные, и содержательные критерии дают основание

для отнесения словаря к классу сверхтекстов, хотя при этом очевидна его специфика.

Дальнейшее рассмотрение диалектного словаря в этом ракурсе предполагает его идеографическую интерпретацию, а также исследование соотношения его составляющих: текстоиды – «квазитексты» – сверхтекст и их роли в отражении актуализированной реальности.

Литература

1. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство, 2003. 616 с.
2. *Борботько Л.А.* О разграничении понятий «метатекст», «паратекст», «интертекст» и «сверхтекст» (на материале современных пьес) // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». 2011. № 2. С. 19–23.
3. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров : МПГУ, 2008. 48 с. URL: <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-20133> (дата обращения: 28.03.2018).
4. *Лыткина О.И.* Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 607–610.
5. *Болотнова Н.С.* Основы теории текста : пособие для учителей и студентов-филологов педагогического университета. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. 98 с.
6. *Купина Н.А., Битенская Г.В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
7. *Литвиненко Т.Е.* Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории языка. Иркутск : ИГЛУ, 2008. 308 с.
8. *Данилевская Н.В.* Сверхтекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 632.
9. *Морковкин В.В.* Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
10. *Бабенко Л.Г.* Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М. : Изд-во МГУ, 2010. С. 340–341.
11. *Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С.М. Беляковой.* Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014.
12. *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
13. *Демешкина Т.А.* Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку : сб. ст. / под ред. Е. Malenova, O. Ushakova. XI. Brno, 2014. С. 268–277.

14. Белякова С.М. Диалектоноситель и современная языковая ситуация // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 2002. С. 34–39.

15. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 264 с.

16. Порядина Р.Н. Пространственные модели в языке (на материале диалектного модификационного словообразования) // Филологические исследования. Томск, 2000. С. 138–142.

The Dialect Dictionary as a Kind of Supertext

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 5–16.

DOI: 10.17223/22274200/15/1

Svetlana M. Belyakova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).
E-mail: smbelyakova@gmail.com

Keywords: dialect dictionary, supertext, coherence, cross-personality, communicative frame.

This article presents a hypothesis according to which the dialect dictionary, which combines the attributes of explanatory and encyclopedic dictionaries, is qualified as a supertext of a special type. The problem is examined on the basis of the following lexicographic source: *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the south of Tyumen Oblast: in 2 vols] [11]. The analysis of the dictionary integrity is based on the concept of “supertext”, existing in the Russian science in its literary and linguistic interpretation.

The presented analysis of the dialect lexicographic work has allowed to come to the following conclusions. This dictionary, as well as ones similar to it, can be qualified as a special supertext. It consists of the same-type texts (dictionary entries), it has a coherence (integrity) with a spatial and temporal dimension. The dictionary reflects the generalized personality of the dialect speaker with his/her moral attitudes and life values and at the same time it has a cross-personality.

The interpretation of the dialect vocabulary as a supertext gives the opportunity to come to a conclusion about the worldview categories of the generalized speaker of the studied dialect. Some of the categories are passeism, non-agentivity, special aspects of personal space reflection, the communicative “modesty tactics” which reflects naive fatalism and a tendency not to blend in, stereotyped behavior, accuracy and detailed description of the object in the case of verbal communication.

In such texts, both thematic and modal commonness is manifested, allowing to combine them into “quasi-texts” in order to describe their modality more accurately. In this case, the degree of the coherence is not as high as that of other types of supertexts.

Another specificity of this kind of supertext is the communicative framework peculiarity, i.e. reflecting the positions of the collective addresser and addressee, the dual nature of the former. Under these circumstances, the compilers of the dictionary and the addressee definitely perceive the text as something integral. This is a conditionally closed supertext with a significant degree of structural certainty, in spite of the fact that

its components are not texts, but textoids. However, their systemic qualities allow to see the model of a whole in them – the dictionary supertext. Both formal and substantive criteria provide a basis for classifying the dictionary as a class of supertexts taking into account its specifics. Further consideration of the dialect dictionary as a supertext implies its ideographic interpretation.

References

1. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: Selected Works]. St. Petersburg: Iskustvo.
2. Borbot'ko, L.A. (2011) On differentiating the terms metatext, paratext, intertext and hypertext (based on contemporary drama). *Vestnik MGOU. Ser. "Lingvistika" – Bulletin MSRU. Series 'Linguistics'*. 2. pp. 19–23. (In Russian).
3. Loshakov, A.G. (2008) *Sverkhtekst: problema tselostnosti, printsipy modelirovaniya* [Supertext: the problem of integrity, the principles of modeling]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kirov. [Online] Available from: <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-20133>. (Accessed: 28.03.2018).
4. Lytkina, O.I. (2010) The typology of topos supertexts in the Russian language picture of the word. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 607–610. (In Russian).
5. Bolotnova, N.S. (1999) *Osnovy teorii teksta* [Fundamentals of the theory of the text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
6. Kupina, N.A. & Bitenskaya, G.V. (1994) *Sverkhtekst i ego raznovidnosti* [Supertext and its varieties]. In: Bitenskaya, G.V. et al. *Chelovek – Tekst – Kul'tura* [Man – Text – Culture]. Yekaterinburg: AO "Poligrafist".
7. Litvinenko, T.E. (2008) *Intertekst v aspektakh lingvistiki i obshchey teorii yazyka* [Intertext in aspects of linguistics and the general theory of language]. Irkutsk: ISLU.
8. Danilevskaya, N.V. (2003) *Sverkhtekst* [Supertext]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
9. Morkovkin, V.V. (1987) Ob ob"eme i sodержanii ponyatiya "teoreticheskaya leksikografiya" [On the scope and content of the concept of "theoretical lexicography"]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 33–42.
10. Babenko, L.G. (2010) [Dictionary as text (on the material of ideographic dictionaries of the Russian language)]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and modernity]. Proceedings of the IV International Congress of Researchers of the Russian Language. Moscow: Moscow State University. pp. 340–341. (In Russian).
11. Belyakova, S.M. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the south of Tyumen Oblast: in 2 vols]. Tyumen: Tyumen State University.
12. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.

13. Demeshkina, T.A. (2014) Vektory razvitiya sovremennoy russkoy dialektologii [Vectors of the development of modern Russian dialectology]. In: Malenov, E. & Ushakov, O (eds) *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Topical issues of teaching Russian]. Is. XI. Brno: Masarykova univerzita. pp. 268–277.

14. Belyakova, S.M. (2002) Dialektonositel' i sovremennaya yazykovaya situatsiya [Dialect speaker and the modern linguistic situation]. In: Sirotkina, T.A. (ed.) *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Problems of linguistic regional studies]. Perm: Perm State Pedagogical University.

15. Belyakova, S.M. (2005) *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti)* [The image of time in the dialect picture of the world (on the material of Russian old-timer dialects of the south of Tyumen Oblast)]. Tyumen: Tyumen State University.

16. Poryadina, R.N. (2000) Prostranstvennye modeli v yazyke (na materiale dialektного модификационного словообразования) [Spatial models in the language (on the basis of dialectal modifying word-formation)]. In: Blinova, O.I et al. (eds) *Filologicheskie issledovaniya* [Philological studies]. Tomsk: [s.n.].